

Сергей Терентьевич Семенов
Старость

Date: 21 августа 2009

Изд: Семенов С. Т. "Рассказы". М., "Художественная литература", 1970

OCR: Адаменко Виталий (adamenko77@gmail.com)

СТАРОСТЬ

По грязной, недавно освободившейся от снега дороге, пролежавшей около линии, ползла крестьянская подвода, Каряя, мохнатая лошаденка, вытягивая шею и старательно работая короткими ногами, тянула самодельную телегу, на которой сидел седок лет тридцати, с веснушчатым лицом, рыжими усами, в новой фуражке с блестящим на солнце лаковым козырьком и ватном драповом пальто. Это был мастеровой, ехавший в деревню на пасху. Около него лежала грязноватая холщовая сумка с пожитками, а на коленях он держал свернутую трубку лубочных картин для украшения избы на праздник. С правой стороны телеги, держась левой рукой за грядку, шагал извозчик, старый сутуловатый старик в новом зипуне и вытертой овчинной шапке. У него было серое, морщинистое, с пожелтевшей кожей, как будто давно не мытое лицо и редкая, совсем седая борода, свидетельствующая, что старик очень древен. Он шел тяжело, и когда не махал на лошадь кнутом, то подпирался кнутовищем. Но селся он, очевидно, потому, что ему жаль было своего живота, и без него с трудом тащившего телегу по нескладному, изрытому еще с осени колдобинами, весеннему пути.

Подвода тянулась медленно, точно тяжело нагруженная барка навстречу воде; седоку стало скучно, и он достал из-за пазухи пачку дешевых папирос и, вынимая одну из них, проговорил:

-- А ты, дедушка, не куришь?

Старик, тяжело дыша, махнул отрицательно рукой и произнес:

-- Где тут, и так иной закашляешься, хоть душа с телом расставайся, а если бы курил, то, може, давно бы издох!

-- Вот и напрасно! -- неодобрительно качнув головой, проговорил седок. -- Покурил бы -- и кашлять перестал: ободрало бы в горле-то...

Он вычиркнул спичку и стал закуривать. Дым синей тонкой полоской понесся на старика, и тот сейчас же сморщил лицо и несколько раз кашлянул. Кашлял он тяжело и медленно, так же, как и дышал. Лицо его от этого покраснело и как будто сделалось свежее. Когда он откашлялся, седок опять проговорил:

-- Покурить очень хорошо: куришь это -- думы разные в голову пойдут, и отдыхаешь. Я до двадцати годов не курил, а как перешел в Москву -- и привык. Примерно, пошлют тебя на работу... устанешь... кто курит -- тот сейчас сделает перерыв, начнет вертеть папиросу и передохнет малость, а тебе все отдыху нету... Ну и стал приучаться. Сперва в шутку, а как в солдаты попал -- совсем привык.

-- В городе другое дело, -- проговорил старик. Он опять несколько раз кашлянул.

Седок, не обращая на это внимания, продолжал философствовать:

-- Вовче люди много хорошего выдумывают... Вот, примерно, теперь эта машина. Бывало, ее не было, так едешь, едешь домой-то чуть не три дня, а теперь в Москве пообедал, а ужинать домой...

Лошадь подъехала к переезду линии и, увидавши столбы с правилами, подняла уши и голову и замедлила шаг. Старик дернул ее за вожжу, взмахнул кнутом и крикнул:

-- Но, бойся... впервой видишь!

Лошадь рванула сначала в сторону, но старик опять дернул за вожжу; лошадь остановилась и фыркнула.

-- Не привыкла еще, -- равнодушно глядя на заартачившуюся лошадь, вымолвил седок, -- поездов-то, небось, как пугаются.

-- Боятся, шут их обдери, -- сказал старик и опять хлестнул лошадь.

Лошадь снова рванула и, выгибая шею, неестественно быстро пошла через рельсы. Старику, чтобы не отставать от нее, пришлось бежать. Он совсем запыхался, и когда проехали переезд, ему уже трудно было идти. Седок заметил это и проговорил:

-- Садись сам-то, небось не надорвется твоя животина-то!

-- И то сесть, -- сказал, задыхаясь, старик. -- Тпру, ремкая! Разошлась -- и не остановишь...

Старик натянул вожжи -- лошадь встала. Он с трудом вскарабкался в телегу, оправился, натянул вожжи и, облегченно вздохнув, крикнул: